

чтоб Вы что-нибудь сказали мне и об устройстве наружном библиотеки, и что Вы теперь можете одобрить или похулить, видя хороший образец и сравнив, что сказано мною о нашей библиотеке в составленной для Вас записке.

В библиотеке занимаются двое кандидатов, Фойхт и Ципков, с прилежанием; списали более 4000 заглавий. Кондаков им помогает. Третий кандидат Флоренцов [2], по предложению моему, уволен Советом, потому что пишет весьма неразборчиво и показывает в письме слабое знание языков, к тому ж у него мало свободного времени.

О выписке журналов вчера сообщеие сделано из Совета в Правление Университета. Я приказываю Кондакову каждый день справляться и просить скорее о выдаче денег. Предлагаю выпиской предоставить заниматься единственно библиотекарю, рассчитываться и расплачиваться с книгопродавцами, иначе легко будет и всегда случаться запутанность в общей массе таких разнородных дел, которыми занимается Правление. Сношения книгопродавцев с библиотекарем, конечно, будут простее, а в особенности со стороны книгопродавцев. Дела о покупке книг будут находиться в библиотеке, между тем как нынче частью надобно выправляться в канцелярии Совета, частью в Правлении и, наконец, всякий раз спрашивать библиотекаря. Именно этому должно приписать, каким образом до сих пор не уплачен долг Грефу и почему до сих пор не могут дойти, что у него куплено, что получено или что остается от него требовать. Он прислал ко мне на днях письмо и просит выслать ему деньги за книги, но Кондаков, по моему приказанию, ничего не мог отыскать о книгах ни в канцелярии Правления, ни в Совете.

В Университет приехал помощник инспектора студентов, бывший учитель в Астрахани, а мой соученик Попов. Он просил г-на министра об определении, был утвержден уже давно, но не мог приехать за болезнь. По всему видно, что у г-на Попова есть намерение перейти какие-нибудь ученые степени, а должность избрана им только, чтоб вступить раз в Университет. Бывши с ним товарищем, я его знал как студента со способностями и прилежного.

С особенным к Вам уважением и преданностию честь имею называться
Милостивый государь

Вашим покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1827

Маия 26 дня

Пометы Мусина-Пушкина карандашом: «Пол[учено] 6 июня»; «Отвечал 7 июня»
ГК, № 1. Модз., № 257.

2. М. Н. Мусину-Пушкину (1 сентября 1827) [3]

Милостивый государь
Михаил Николаевич

Весьма приятное известие для нас о благосклонном приеме от государя императора я сообщил всем моим товарищам. Ожидаем теперь Вашего возвращения более с уверенностью о времени, потому что иначе я и не предполагал, как оно должно было зависеть от Вашего представления его величеству. Припоминаю однако ж, что Вы намеривались также съездить и в Дерпт. Если это так, то еще Ваше прибытие сюда может замедлиться. Хотелось бы мне успеть до того многое устроить здесь, что устройства требует; но не знаю как надеяться. Сперва по предположении только, а теперь по собственному опыту могу сказать, что должность ректора огромна. Едва ли сочинявшие Устав могли предполагать, в чем она будет состоять, и едва ли не надобно

сожалеть, что отменили директоров. Я уверен, что Вы не примете слова мои, будто я хочу увеличить в глазах Ваших мои труды. Не хочу также слишком мало и на себя надеяться. Наконец, мой нрав не таков и правила, чтобы унывать и раскаиваться, когда нельзя помочь чему. Простительным мне кажется робеть, когда еще надобно решиться; но когда дело решено, то не надобно падать духом. Так Вы заметили, без сомнения, сколько я колебался и искал даже уклониться, теперь хочу быть твердым и стараться всеми силами. Впрочем, я много могу ободрять себя и тем, что Вы будете сами всего свидетелем.

Вчера мы решили, наконец, целым Советом, в чем должны состоять облегчения в испытании на докторскую степень. С этой почтой посылается к Вам представление. Гг. Эрдман и Сергеев обязались дать особенные мнения, но через день еще не успели доставить. Хотя по правилам такие мнения прилагаются при мемориях, однако ж я пошлю их к Вам с следующей почтой; да я всегда думаю лучше особенные мнения присоединять к самому постановлению Совета. Едва ли не тот случай с нашим Университетским Советом, что от многого числа советников часто не может состояться никакого решения. Если бы еще искать согласить и гг. Сергеева, Эрדмана с прочими, то мы бы поспорили и еще одно заседание. Вот почему я не прежде следующей почты надеюсь послать к Вам дело об аптеке и об уклонениях от инструкции. Полагаю, что настоящая и следующая почта застанет Вас в С. Петербурге. Впрочем, беды большой нет, если наши бумаги привезут два раза по той же дороге. Хотелось бы однако ж, чтобы это письмо Вы прочли еще в столице. Я думал и, наконец, вздумал, о чем бы просить Вас, покуда Вы не оставили Петербурга. Хочу просить Вас за наш медицинский факультет, вывести его из бедного положения, в котором сами его видели, сравнивая с Московским. Всего лучше, думаю, можем успеть возвысить его, если возьмем за образец Медико-Хирургическую Академию. Г. Лентовский перевозит последнюю, но не надеется, чтобы мог из памяти начертать все правила и описать порядок. Слышу я от него же, что будто находятся печатные наставления. Если ж их нет, то не угодно ли будет приказать нашему посланному туда Сыромятникову [4] заняться изложить все подробно. Что касается до исполнения, то можно уже понадеяться на г-а Лентовского. Мне приятно воображать, что мы успеем. Только надобно бы поспешить, чтоб можно было приятно сообразоваться с этим при сочинении плана строений.

Другое дело, хотя не столь важное — починка пожарных орудий. Вступая в должность, я осматривал их и вижу, что их надобно поддержать, иначе они скоро будут без пользы и, наконец и совсем разрушатся. К Вам уже сделано и представление. Между тем экзекутор [В. Я. Рылов] справедливо заметил мне, что рукава у труб служат 6 лет и что они прослужили бы не более года, если б куплены были в Казани, как это бывает с городскими трубами. Итак, не угодно ли Вам будет в бытность Вашу приказать купить рукава в С. Петербурге на 4 трубы: когда мы еще на 6 лет будем с этой стороны обеззабочены.

Собственно для себя осмеливаюсь Вас обременить просьбой. Здесь я не мог отыскать плюмажа [5]. Не возьмете ли Вы на себя купить его в С. Петербурге и привезти с собою.

Извините меня, что я, писавши к Вам об отчетах, забыл упомянуть, что один экземпляр тогда же доставлен был в Комиссию [6]. Она весьма много трудится и на днях собирается с прежним архитектором [П. Г. Пятницким] перемеривать все строение и поверять вычислением количество употребленных материалов. Вы отсюда можете заключить, сколько справедливо мое мнение о ревизии. Ей много надобно еще потратить времени и положить трудов, чтобы добраться, наконец, до какого-нибудь злоупотребления. Я уверен даже, что она такого открытия не сделает.

Бывший ректор [К. Ф. Фукс], оставляя должность, предлагает Совету избирать гг. Лентовского и Суровцова в ординарные профессоры; а ординатора при клинике Скандовского в адъюнкты. В следующее заседание будет читано его представление и назначен день для выборов, если Совет на них согласится и что, без сомнения, последует, по крайней мере в отношении к г-у Лентовскому, которого мы все любим и уважаем за познания и правила в своих поступках и для которого кафедра свободна.

С особенным к Вам уважением, искреннею и совершенною преданностью честь имею называться

Милостивый государь

Вашим покорнейшим слугою

Николай Лобачевский

1827

сентября 1

Помета Мусина-Пушкина карандашом: «1 сент[ября]».

ГК, № 2, Модз., № 263.

З. М. Н. Мусину-Пушкину (27 декабря 1828)

Милостивый государь

Михаил Николаевич

После Вашего отъезда еще ничего не случилось в Университете, что бы могло заслужить особенное Ваше внимание. Если упомянуть о посещении Коханского [?] посланника, то разве потому, что он помешал на той почте писать к Вам. Впрочем, ни прибыли в одном, ни потери в другом для Вас не сделалось. Земля Коханская должна быть очень бедна и деньгами, и народом, и просвещением. Что касается до моего письма, то оно могло заключать существенного одно поздравление с Рождеством Христовым. Но я осмеливаюсь думать, что Вы не усумнитесь в моем усердии, а потому, поздравляя Вас теперь с праздником, надеюсь, что Вы поздравление примите столько же благосклонно, как бы почтою прежде, при достаточной к тому причине.

О приезде Коханского посланника в С. Петербург, может быть, слух и не дойдет до Вас. Надобно полагать, что причиною посольства новые нападения хивинцев, но каким образом может быть покровительство России полезно в этом случае, для народа столь отдаленного от наших границ — мне, как худому политику, не совсем понятно. Более замечательны для меня черты лица, в которых я ничего не мог видеть монгольского. Кстати, к слову монгольское, г. Ковалевский прислал нам свой отчет. В чрезвычайном его прилежании нельзя сомневаться. Он обязывает Университет к признательности; надеюсь, что обяжет некогда нас к благодарности, когда увидим плоды прилежания и пользу от них. Содержание отчета большею частию уже Вам известно, а что прибавлено нового будет также напечатано в Казанском вестнике.

Совет, представляя к Вам о плане для сего Вестника, забыл об одном обстоятельстве. Предписаньем Вашего предшественника Издательный комитет обязывается представлять на рассмотрение к г. попечителю материалы на полгода вперед. Это значит отнять у журнала всю занимательность новости. Далее, с утверждением Устава о цензуре, надобно было испросить решения, как должен цензуроваться Казанский вестник. Хотя в Уставе и сказано, что издание журналов, раз уже утвержденных, и остается по-прежнему, однако ж тем не менее правила даны такие общие, что все должно подвергаться цензуре. Применяясь к сим правилам, Совету университета надобно предоставить право Цензурного комитета при издании Вестника. Особенное разрешение и на это было бы, по моему мнению, не лишнее. Еще бы лучше, если бы Издательному комитету дозволено было заменять Цензурный коми-